

А. В. Резник
**АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО Л. Д. ТРОЦКОГО
 ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
 ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И СТИЛИСТИКА***

doi: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-93-100

УДК 94(470):82-94

ББК 63.2(2)+63.3(2)612

Лев Троцкий был не только выдающимся публицистом и оратором среди марксистских революционеров XX в., его можно также назвать и одним из самых известных автобиографов. Среди других высокопоставленных большевиков он выделялся политическими взглядами и культурой мышления и письма. Многие оппоненты Троцкого воспринимали его как индивидуалиста, враждебного коллективистской идеологии. Но если принять взгляды самого Троцкого на роль отдельных личностей в истории, в том числе его собственную, то в его автобиографическом нарративе индивидуализм предстает как нечто большее, чем идеологема. Вплоть до настоящего дня большинство исследователей обращает внимание только на широко известную автобиографию Троцкого «Моя жизнь: Опыт автобиографии» (1929), игнорируя широкий контекст появления этой книги. Цель статьи состоит в расширении фокуса изучения автобиографики Троцкого за счет текстов периода Гражданской войны в России, которые сам Троцкий постфактум исключил из числа своей публицистики. Соотношение прагматизма и поэтики в его текстах было отрефлексировано самим Троцким в начальный период гражданской войны, когда он, будучи наркомом по военным делам, публично заявил, что не любит «военный стиль», но «привык в жизни и литературе применять стиль публициста». Последующая деятельность Троцкого продемонстрировала, что соотношение динамики этих двух стилей определялось не только политическими задачами, но и укорененными авторскими представлениями о месте собственного «я» в публицистике.

Ключевые слова: *Троцкий Л. Д., автобиография, революция 1917 г., Гражданская война в России*

Современная историография военных и политических конфликтов 1914–1922 гг. отмечена возрастающим интересом к проблематике субъективного и личностного. Так, обращают на себя внимание некоторые из опубликованных и готовящихся к публикации эго-документов¹ и сборников статей.² Неслучайно самая заметная и обсуждаемая книга о 1917 г. посвящена способам и смыслам формирования культа вождя революции А. Ф. Керенского, для чего биография имела большое значение, а самая обсуждаемая книга о судьбе революции в целом — «Дом правительства» Ю. Слез-

кина — так или иначе затрагивает вопросы «(про)чтения» героями собственной жизни.³ В контексте этих исследований представляется актуальным обращение к проблематике взаимодействия практик письма, политического языка и политической деятельности в годы революции и Гражданской войны.

Случай российского революционера Льва Давидовича Троцкого (1879–1940) представляет особый интерес. Биография Троцкого хорошо известна историкам, не в последнюю очередь благодаря обширному публицистическому наследию самого революционера.⁴ Троцкий выделяется не только траекторией своей судьбы, но также значением, которое он придавал биографическому и автобиографическому

¹ См., например: Россия 1917 года в эго-документах: письма. М., 2019.

² См.: История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014; Personal Trajectories in Russia's War and Revolution. 1914–1922. Bloomington, 2021 (in print); Revolutionary Biographies in the 19th and 20th century Imperial — Inter/national — Decolonial. Göttingen, 2021 (in print).

*Резник Александр Валерьевич — к.и.н., доцент департамента истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
 E-mail: areznik@hse.ru*

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: Культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны» (рук. Б. И. Колоницкий)

³ См.: Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М., 2017; Слезкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции. М., 2019.

⁴ См. недавние историографические обзоры «Троцкианы»: Reznik A. V. Lev Trotskii as the mirror of the Russian Revolution // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. Vol. 17, № 1. P. 181–191; Patenaude B. M. Trotsky and Trotskyism // The Cambridge History of Communism. Cambridge, 2017. P. 189–211; Lubitz P., Lubitz W. “Mein Leben” — «Моя Жизнь». Ein Essay über Trockijs Autobiographie und den jungen Trotskij (1879–1904). URL: http://www.trotskyana.net/Leon_Trotsky/Autobiography/autobiography_essay.pdf (дата обращения: 09.07.2020).

жанрам письма.⁵ «Главное содержание моей жизни — за вычетом годов гражданской войны — составляла... партийная и писательская деятельность», — утверждал он в предисловии к автобиографии.⁶ Цель данной статьи состоит в том, чтобы подвергнуть более детальному анализу его автобиографические нарративы периода Гражданской войны, которые Троцкий поместил за границы писательской деятельности. Для этого в первой части статьи будет реконструирован общий контекст автобиографических текстов, а во второй будут рассмотрены показательные кейсы за интересующий нас период.

Троцкий-автор достаточно рано начал обращать на себя внимание как современников, так и академических исследователей, но переломным моментом стала публикация двухтомной книги воспоминаний «Моя жизнь» в 1930 г., которая вскоре была переведена на главные европейские языки. Известно, что финансовая нужда подтолкнула автора к публикации в «буржуазных» издательствах: революционер был выслан в Турцию, но и там старался наладить работу международной левой оппозиции. «На этих страницах я продолжаю борьбу, которой посвящена вся моя жизнь», — так парадоксальным образом доказывал автор объективность своей книги.⁷ Несмотря на обозначенную политизированность, «Моя жизнь» стала важным и популярным историческим источником и об эпохе, и, разумеется, о самом Троцком.⁸ Она занимает центральное место в исследованиях творчества Троцкого, как концентрированный продукт его автобиографических нарративов, однако заслуженное внимание к общеизвестной книге не должно заслонять более широкую картину его пред-

шествующих «опытов автобиографии», из которых складывается «Моя жизнь».⁹

В предисловии к «Моей жизни» Троцкий оставил искреннее признание о том, что он с детства «мечтал стать писателем», но «подчинил писательство, как и все остальное, революционным целям».¹⁰ Однако это подчинение оказалось не тотальным. Начиная с 1900 г. идентичность Троцкого строится на его профессиональном призвании как журналиста и публициста, что сочетается с его восприятием себя как участника, свидетеля и историка. Поэтому во многих своих текстах Троцкий-нарратор описывает «населенное» живыми людьми пространство, в котором индивидуальность, агентность, в том числе и его собственные, тщательно прорисованы и «оживлены» литературными средствами. Живые люди в политических текстах Троцкого нередко играли роль, равнозначную «обезличенным» историческим процессам: (авто)биографическое мышление в широком смысле пронизывает его нарративы, в рамках которых собственное «я» революционера всегда занимает важное место.¹¹

Как показали недавние исследования, посвященные взаимоотношениям автобиографических нарративов и культурно-политических контекстов их создания, российские революционеры, будучи модерными субъектами, не были чужды практике самоутверждения через автобиографическое письмо.¹² Интересный угол зрения предложили Д. Томэ, У. Шмид и В. Кауфманн, обратившиеся к «автобиографическим поворотам» теоретиков XX в. Они поставили вопрос: «как теория и автобиография поясняют друг друга», для чего сфокусировались на «местах на стыке между жизнью и письмом».¹³ Такой исследовательский взгляд применим и к анализу практической деятельности Троцкого, хотя его амбиции в области теории в полной мере раскрылись именно в последний эмигрантский период его жизни. В контексте данной статьи важно, что написание автобиографии обозначило важный

⁵ Подробнее об этом см.: Reznik A. V. Individualism and Psychology in the Auto/Biography of Lev Trotsky, 1900–1920s // *Revolutionary Biographies in the 19th and 20th century Imperial — Inter/national — Decolonial*. Göttingen, 2021 (в печати).

⁶ Троцкий Л. *Моя жизнь*. Берлин, 1930. С. 13.

⁷ Там же. Т. 1. С. 7.

⁸ Автобиография Троцкого не прошла мимо критического внимания русской эмиграции (М. Вишняк, Н. Бердяев и др.), а также вызвала одобрительные отзывы таких крупных публицистов, как З. Кракауэр, Э. Юнгер. Последующие «горячие» и «холодные» войны наложили на историографию отпечаток идеологического противостояния, кроме того, немногие специальные исследования «Моей жизни» редко выходили за рамки описательности или в лучшем случае «психологической истории» (Ф. Помпер). Одним из редких исключений служит третий том биографической трилогии Исаака Дойчера. Рассекречивание архивов Троцкого позволило сопоставлять опубликованные тексты с черновиками и прочим эпистолярным наследием автора (Reznik A. V. *Individualism and Psychology...*).

⁹ См.: Reznik A. V. *Lev Trotskii's Experiences of Autobiography: My Life and Its Antecedents // Personal Trajectories in Russia's War and Revolution. 1914–1922*. Bloomington, 2021 (in print).

¹⁰ Троцкий Л. *Моя жизнь*. Т. 2. С. 62.

¹¹ Более подробно этот тезис раскрывается в статье: Reznik A. V. *Individualism and Psychology...*

¹² См.: Dahlke S. *Individuum und Herrschaft im Stalinismus: Emel'jan Jaroslavskij (1878–1943)*. Munich, 2010; Сабурова Т. А., Эклоф Б. *Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов*. М., 2016.

¹³ *Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография / Томэ Д. [и др.]*. М., 2017. С. 8.

рубеж на «стыке между жизнью и письмом» революционера — его одновременную потерю себя в качестве «реального политика» и новое обретение себя в качестве хоть и ангажированного, но вполне независимого публициста. Хронологически эта своеобразная эмансипация Троцкого-писателя пришлась на начало «сталинской революции сверху», дискурсивная рамка которой отчасти строилась на отторжении чуждого и враждебного троцкизма.¹⁴ Очищенный от идеологических наслоений, «жупел» троцкизма сводился к обвинению в индивидуализме, — в чем сходились такие разные рецензенты «Моей жизни», как патриарх советской историографии М. Н. Покровский и эмигрантский философ-идеалист Н. А. Бердяев. Для первого «мещанским индивидуализмом прет из каждой строки» автобиографии;¹⁵ для второго — «идея перманентной революции есть романтическая идея. Троцкий придает еще значение индивидуальности, он думает, что возможно индивидуальное мнение, индивидуальная критика, индивидуальная инициатива, он верит в роль героических революционных личностей, он презирает посредственность и бездарность. Не случайно его обвиняли в индивидуализме и аристократизме...»¹⁶ Присущие Троцкому романтизм и индивидуализм отмечают и многие современные исследователи.¹⁷

Эти наблюдения подталкивают к вопросу, имел ли ярлык троцкизма под собой какое-либо реальное содержание, если понимать под ним индивидуальный стиль самого Троцкого? Троцкий-политик и Троцкий-писатель составляют единое целое, и его политическая судьба может быть адекватно воспринята только в контексте его обширного литературного творчества, в рамках которого автобиографический и биографический жанры изначально играли большую роль. Иначе говоря, публикация «Моей жизни» может быть понята в контексте прагматизма борьбы за власть и поэтики ком-

муникации.¹⁸ Дальнейший анализ публицистики Троцкого за 1917–1920-е гг. позволит приблизиться к ответу на поставленный вопрос.

Период революции 1917 г. был наиболее интенсивным периодом жизни Троцкого, но в той же степени наименее продуктивным в отношении его литературного творчества. Среди томов собрания сочинений этот ключевой год предстает сравнительно скромным, особенно на фоне последующей борьбы за интерпретацию этих событий.¹⁹ Так, например, Троцкий уступал Ленину в объеме написанных статей. Но, в отличие от Ленина, сконцентрировавшегося на политико-организационной деятельности (и к тому же имевшем теоретические амбиции), Троцкий вскоре по прибытии в Петроград 4 мая публикует в большевистском издательстве краткую брошюру, в которой он в привычной для него красочной манере повествует о краткосрочном пребывании в британском «концлагере» (так называет его Троцкий) для военнопленных в канадском городе Амхерсте.²⁰ Он прибегает к излюбленному приему олицетворения: британский империализм изображен в лице коменданта лагеря полковника Морриса, который противопоставлен демократически настроенным массам военнопленных. «Когда нас уводили из лагеря, пленные устроили нам проводы, навсегда врезавшиеся в нашу память. Офицеры и унтера, вообще патриотическое меньшинство, замкнулись в своих отделениях, но “наши”, интернационалисты, стали двумя шпалерами вдоль всего лагеря, оркестр играл социалистический марш, руки тянулись к нам со всех сторон... Один из пленных произнес речь, в которой выразил свой восторг перед русской революцией, послал свое честное проклятие германскому правительству и просил нас передать братский привет русскому пролетариату».²¹ В 1917 г. этот памфлет стал единственным выступлением Троцкого как писателя, хотя и не последним по значимости, так как позже фрагменты этой брошюры войдут в «Мою жизнь».

Но Троцкий-революционер целиком сосредотачивается на практических задачах борьбы за власть, в рамках которой, как можно судить

¹⁴ С. Дальке раскрывает этот тезис, анализируя деятельность Е. М. Ярославского: Dahlke S. Op. cit. Ch. V.

¹⁵ Покровский М. Н. Об одном «опыте автобиографии» // Большевик. 1930. № 7–8. С. 144.

¹⁶ Бердяев Н. А. [Рец.:] Л. Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии: в 2 т. Берлин: Гранит, 1930–1931 // Новый град. 1931. № 1. С. 93.

¹⁷ Например, проанализировав первые статьи Троцкого, Ф. Помпер пришел к выводу, что автор сформировался в качестве «марксистского романтика» (Pomper P. Lenin, Trotsky, and Stalin: The Intelligentsia and Power. New York, 1991. P. 120). И. Дойчер указал на «смесь реализма и романтизма» (Dutcher I. The Prophet Outcast: Trotsky, 1929–1940. London, 1963. P. 220).

¹⁸ Отправной точкой понимания нарративного текста в данной статье служит методологическая традиция Р. Якобсона, претерпевшая бесчисленное количество интерпретаций в рамках постструктурализма (См.: Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230).

¹⁹ См.: Троцкий Л. Сочинения. М.; Л., 1925. Т. 3: 1917 г. Ч. 2: От Февраля до Бреста.

²⁰ См.: Он же. В плену у англичан. Пг., 1917.

²¹ Он же. Сочинения. Т. 3: 1917 г. Ч. 2. С. 33, 34.

в том числе по содержанию тома его собрания сочинения, выступления на разнообразных митингах и заседаниях играли большую роль, чем привычная литературная работа, — так произошло очередное «подчинение писательства революционным целям». Сохранившееся письменное наследие Троцкого за период внутрипартийной борьбы значительно уступает ленинскому в объеме и влиянии, но в публицистике Троцкого едва ли обнаруживается уклон от марксистской риторики. Символично, что в одной из своих первых и резонансных речей в Петроградском совете 13 мая Троцкий «объяснял “феномен Керенского” не личностью политика, а его “исторической функцией”», а в августе, объясняя успех его выступлений, вновь дал историко-функциональную трактовку: «...он и как политик, и как оратор был адекватен массовому сознанию России».²² Уместно вновь обратиться к свидетельству в «Моей жизни», что после завоевания власти Троцкий был «застигнут врасплох» вопросом о «правительственной работе» и даже «пытался остаться вне правительства, предлагая взять на себя руководство печатью партии» (эту попытку он объяснил своей «нервной реакцией после победы» переворота).²³ Троцкий быстро справился с этой «нервной реакцией» и возглавил Народный комиссариат иностранных дел, политическая значимость которого намного превосходила условное руководство печатью партии. На этом посту он концентрируется на практических вопросах, оставляющих еще меньше простора для публицистики, чем в предшествующие месяцы.

В 1918 г., сначала на немецком, а затем и на других языках публикуется брошюра «Октябрьская революция», задача которой состояла в ознакомлении «общественного мнения» западных рабочих с событиями в России. В предисловии указаны место и дата: 12 (25) февраля 1918 г., Брест-Литовск, где, по словам Троцкого, «между заседаниями мирных переговоров набрасывались отдельные главы» этой книги.²⁴ Через несколько месяцев в предисловии к русскому изданию брошюры автор извинялся за ее «неряшливый стиль», объясняя его тем, что «книжка не писалась за столом, а была продиктована стенографам».²⁵ Но стиль брошюры также испытал влияние новой общественной и полити-

ческой роли автора. Местоимение «мы» начинает доминировать в его повествовании («мы, большевики»), хотя Троцкий иногда говорит и от себя лично: «Под руками у нас нет ни газет, ни документов. <...> Я постараюсь поэтому восстановить на память ход и развитие Октябрьской Революции, сохраняя свое право затем пополнить и исправить изложение по документам».²⁶ Источниковедческая оговорка Троцкого легитимировала вкрапления в нарратив автобиографических элементов с использованием оборота «я вспоминаю».²⁷ Видимо, Троцкий не дорабатывал свои диктовки сколь бы то ни было основательно. Итоговый продукт в большей степени напоминает дореволюционный образцовый памфлет, полный ярких зарисовок и биографических характеристик, нежели сухой анализ в духе марксистского позитивизма. В этом отношении показательное использование тезауруса психологии в заключении брошюры: за годы войны люди были «психически расшатаны», но «психологически революция означала пробуждение в крестьянской массе человеческой личности».²⁸ Предисловие к русскому изданию Троцкий писал уже в статусе народного комиссара по военным делам, когда реальностью была полномасштабная гражданская война, важнейшим из фронтов которой стал крестьянский.

С наступлением «горячей» фазы гражданской войны активность Троцкого-публициста и оратора многократно возросла. Можно обнаружить несколько характерных эпизодов, когда выступило наружу противоречие между личностным и обезличенным началами в риторике революционера. 4 июня 1918 г., когда масштабные боевые столкновения стали фактом, Троцкий произносит краткую речь перед аудиторией Московского совета, посвященную скончавшемуся патриарху русского марксизма Г. В. Плеханову. Хотя в проживаемую ими «эпоху, когда отдельная человеческая жизнь кажется ничем или почти ничем, в колоссальном водовороте событий», Плеханов давно стал политическим врагом большевиков, Троцкий интерпретировал его оппозицию как «трагическое положение» и призвал от лица «его учеников» «почтить память Плеханова вставанием».²⁹ Через месяц, во время поле-

²² Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский» ... С. 136, 188.

²³ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 62.

²⁴ Цит. по: Он же. Октябрьская революция // Сочинения. Т. 3: 1917 г. Ч. 2. С. 257.

²⁵ Там же. С. 256.

²⁶ Там же. С. 259.

²⁷ См.: Там же. С. 268.

²⁸ Там же. С. 328.

²⁹ Троцкий Л. Памяти Плеханова // Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 7: Политические силуэты. С. 65.

мики с левыми эсерами на V съезде Советов, Троцкий делает примечательное заявление: «Я сам, товарищи, вовсе не являюсь любителем военного стиля, как такового, я привык в жизни и литературе применять стиль публициста, который я более всего предпочитаю. Но каждая деятельность имеет свои последствия, в том числе и стилистические...»³⁰ Хотя эти последствия сказались на стиле пропагандистских текстов Троцкого, его «стиль публициста» сохранял привилегированное положение.

Возглавив военное ведомство, Л. Д. Троцкий наладил работу своего личного секретариата таким образом, что его статьи и стенограммы выступлений публиковались оперативно и на регулярной основе. Газета «В пути», издававшаяся прямо в поезде наркома во время его многочисленных поездок на фронт, выглядела почти как его личный печатный орган. Тем не менее сам Троцкий своеобразно деперсонализировал ее, когда внезапно предложил редакции «устранить из газеты неуместный личный момент», то есть упоминания его личности в апологетическом стиле, аргументируя это тем, что «дело — в армии, в рабочем классе, в крестьянстве, а не в отдельных лицах».³¹ Однако политический язык войны и революции обеспечивал естественное развитие «вождизма» в том, что Троцкий мог бы назвать психологией масс. Хотя он не стремился, подобно Сталину, сознательно сформировать собственный культ, как следует из анализа документов личного архива революционера, его восхваление Ленина, а также «вождей» и рядовых «героев» Красной армии укрепляло дискурсивные практики культа личности. Широко растиражированная речь Троцкого «О раненом» (о Ленине) характеризовалась коллективистской риторикой, но все же включала показательные вкрапления автобиографического нарратива, включая упоминание: «...многие — и я в том числе — критиковали [Ленина] не раз». Разумеется, это лишь должно было усилить апологетику. Бросается в глаза прием свидетельствования, который вплетает автора в канву истории рядом с Лениным: «...я могу сказать, как очевидец, непосредственно прибывший с театра военных действий... Я не наблюдал ни одного товарища, ни одного честного рабочего, у которого под

влиянием известия о предательском покушении на Ленина опускались бы руки, но я видел десятки, у которых сжимались кулаки, протягивались руки к оружию; я слышал сотни и тысячи уст...»³² Характерно, что речь Троцкого о К. Либкнехте и Р. Люксембург, убитых в январе 1919 г., была пронизана, с одной стороны, гораздо более личными нотками по отношению к «друзьям и соратникам», а с другой, гораздо более детальными, в сравнении с речью о Ленине, автобиографическими экскурсами в историю совместной политической деятельности, которые не могли не создавать эффекта причастности оратора к великим революционерам.³³ Такое самопозиционирование рядом с «великими борцами» служило укреплению авторитета Троцкого.

Тезис Троцкого о том, что «дело — в армии, в рабочем классе, в крестьянстве, а не в отдельных лицах», был лучшим образом представлен в некрологе Н. Маркину, матросу Балтийского флота, служившему комиссаром Волжской военной флотилии. Насчитывающий чуть более чем 500 слов, этот текст был опубликован за неделю до публикации упомянутой выше просьбы «устранить из газеты неуместный личный момент» и лишь в последних строчках он содержал личное отношение: «Я близко знал его на деле и свидетельствую, что Маркин был одним из лучших в наших рядах. Не верится, что его больше нет с нами. Прощай, верный хороший друг Маркин!»³⁴ Кроме этого некролога в период ожесточенных боев на Восточном фронте Троцкий не публикует в газете собственного поезда ничего, кроме приказов. Впоследствии Троцкий поместит некролог в собрание сочинений, но, что важнее, лишь в «Моей жизни» он поведаст, в более детальной и теплой манере, о бескорыстной заботе Маркина о семье Троцкого в 1917 г.³⁵ Можно предположить, что в условиях гражданской войны Троцкий находит неуместным акцентировать внимание на личных переживаниях потери близкого товарища, каковым он его представил через десять лет.

С газетой «В пути» тесно связана история появления первой и единственной советской биографии Троцкого под названием «Трибун

³⁰ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стеногр. отчет. М., 1918. С. 31.

³¹ Троцкий Л. Письмо в редакцию // В пути. 1919. 14 нояб.

³² Речь тов. Троцкого // Известия. 1918. 4 сент.

³³ См.: Троцкий Л. Карл Либкнехт и Роза Люксембург // Сочинения. Т. 8. С. 82–94.

³⁴ Он же. Памяти Николая Георгиевича Маркина // В пути. 1918. 6 окт.

³⁵ См.: Он же. Моя жизнь. Т. 2. С. 11–14.

революции».³⁶ В предисловии автор Г. Устинов подчеркнул, что при работе он использовал «автобиографические заметки», полученные им напрямую от Троцкого. Обнаруженные в архиве шестистраничные автобиографические заметки Троцкого датированы апрелем 1919 г., но по неизвестным причинам публикация книги задержалась до 1920 г.³⁷ Показательно, что, как прежде в Брест-Литовске, Троцкий находит целесообразным в свободное время диктовать автобиографический текст. Впрочем, особенностью этих заметок, которые Устинов в неизменном виде публиковал на страницах книги, был их официальный стиль — в них почти не угадывался «стиль публициста», о котором говорил Троцкий менее чем за год до их появления, и они резко диссонировали с цветастым стилем автора брошюры.

Случай маловыразительного автобиографического нарратива в «Трибуне революции» уравнивается примерами речей Троцкого, которые стенографировались и нередко широко тиражировались. Так, например, объемный доклад, прочитанный на заседании Воронежского совета 18 ноября 1918 г., был издан отдельной брошюрой.³⁸ Это выступление было рассчитано на широкую аудиторию и потому носило отчетливо пропагандистский характер, но именно здесь Троцкий позволил себе автобиографические экскурсы: «Я помню первый период войны. <...> судьба дала мне возможность за первые два с половиной года войны наблюдать ее отражение в сознании и в политике буржуазных классов и рабочих масс разных стран. <...> Мне довелось в Германии провести довольно большое количество времени, я видел этих вождей сравнительно близко. <...> Это я мог наблюдать собственными глазами. <...> в Нью-Йорке я наблюдал, как десятки тысяч женщин-матерей выходили на улицу, манифестировали...»³⁹ Подобные отсылки к памяти Троцкий сочетает с похвалой «твердому материалистическому методу исторических судеб, методу, который применяется во всякой науке, — методу строгого, холодного, сурового исследования накопленных фактов с целью установления

отсюда... правильного прогноза относительно будущего». Но такой «марксизм», подчеркнул следом оратор, «вовсе не противоречит самому горячему революционному темпераменту», и вина вождей германской социал-демократии виделась Троцкому в том, что у них «нет за душой ни искры революционного пролетарского энтузиазма».⁴⁰ Показательна здесь не только отсылка к «темпераменту», но и сама по себе ситуация: «вождь Красной армии» рассуждает о довольно отвлеченных вещах, затем переходит к положению в Японии, чтобы вслед за этим внезапно спросить: «Вообще, товарищи, что такое сознание? Это самая ленивая вещь, хотя это и человеческая психика. Субъективисты, наши эсеры, считали, что все движется вперед сознанием. Это — неправда». Отвечая на свой вопрос, оратор назвал сознание «самым ленивым фактором во всей истории», подчеркнув необходимость, «чтобы внешние материальные факты толкали, били народы, классы по спине, по затылку, по темени, пока это проклятое сознание не пробудится... и не начнет ковылять за фактами следом».⁴¹ В случае этой речи, произнесенной в конце 1918 г., в момент наивысших ожиданий мировой революции, ясно обнаруживаются те «последствия, в том числе и стилистические», о которых несколькими месяцами ранее говорил Троцкий: «военный стиль» возвышается над «стилем публициста».

В то же время окончательного «подчинения писательства революционным целям» как будто не происходит. Уже в начале 1919 г. Троцкий приступил к подготовке сборника «Война и революция», а в марте того же года написал к ним «объяснительное введение». Тогда собрать необходимые статьи и материалы ему не удалось, но тремя годами позже они вышли в свет. В марте 1919 г. — в разгар Гражданской войны — руководитель военного ведомства работает над введением к сборнику своих «статей, памфлетов и очерков», признавая, что отнюдь не все они имеют «самостоятельный интерес».⁴² Но за публикацией стоял глубокий интерес самого Троцкого, который построил свое введение на автобиографических экскурсах и характеристиках вождей социал-демократии, которые могли бы звучать поучительно для «молодого поколения». Любопытно, что

³⁶ См.: Резник А. В. Политическая агиография Льва Троцкого и сакрализация революции: случай Георгия Устинова // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и гражданской войны. СПб., 2018. С. 99–121.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–25.

³⁸ Троцкий Л. На страже мировой революции // Как вооружалась революция (на военной работе). 1918. М., 1923. Т. 1.

³⁹ Там же. С. 378–389.

⁴⁰ Там же. С. 378–379, 382.

⁴¹ Там же. С. 390.

⁴² Троцкий Л. Война и революция: Крушение второго Интернационала и подготовка третьего. Пг., 1922. Т. 2. С. 6, 7.

он впервые поведал — в порядке автобиографического экскурса — о едва ли известном широкой публике факте своего многолетнего сотрудничества с «Киевской мыслью» (прогрессивной либеральной газетой), что могло звучать диссонансом в контексте запрета «буржуазной печати» и общего ожесточения гражданской войны. Не менее показательным и решение поместить в сборник свой краткий дневник за первые недели войны в Швейцарии, аргументированное автором следующим образом: «Потребность отдать самому себе отчет в том, что происходит, заставила меня обратиться к дневнику, т. е. к такой литературной форме, которой я не пользовался никогда до этого и к которой прибег после этого только один раз: в испанской тюрьме и “ссылке”». ⁴³ С дневником или, вероятнее, с его будущим читателем автор делился политическими прогнозами (во многом сбывшимися), бытовыми зарисовками, автобиографическим экскурсом в 1905 г., также, что примечательно, витиеватой рефлексией над самой практикой письма: «...приходится предаваться внутреннему созерцанию, и совершенно невыносимая форма дневника является сейчас единственным способом закрепления плодов этого внутреннего созерцания». ⁴⁴ Решение Троцкого опубликовать эти материалы, не представляющие, по его признанию, «самостоятельного интереса», сигнализирует о том, что, сформировавшись как публицист, он видел значимость своих «опытов» автобиографического и биографического письма не только в политическом прагматизме.

Рассмотренные в статье кейсы позволяют поставить под вопрос собственные слова Троц-

кого из предисловия к «Моей жизни» о том, что «писательская деятельность» составляла «главное содержание» его жизни — «за вычетом годов гражданской войны». Сложно усомниться в искренности слов Троцкого о том, что он «подчинил писательство революционным целям», но одновременно с этим уместно задаться вопросом: в какой степени революционер в Троцком «подчинился» полной потере писателя? Вероятно, Троцкий сознательно не возвращался к своей детской мечте стать писателем, но встречи революционера с «подчиненным» писателем совершаются на пограничной зоне политики и литературы, прагматизма и поэтики. Годы гражданской войны не были исключением: «писательская деятельность» принимала иные формы, чем до и после нее, но она оставалась формой мышления и нередко вторгалась в рутину революционера. Если судить по текстам большевистских вождей в период гражданской войны, Троцкий выделяется среди них отсутствием стеснения говорить от первого лица, хотя ретроспективно в 1929 г. он указывает на сознательное сдерживание этих порывов. Проговаривая вслух невозможность мыслить текущие события категориями отдельных личностей, Троцкий тем не менее в своих текстах и речах систематично обращается к личным переживаниям и описывает исторические события в контексте автобиографического и биографического нарративов. Годы гражданской войны обнажают противоречие между (авто)биографической и коллективистской стилистикой его текстов, «стилем публициста» и «военным стилем».

Aleksandr V. Reznik

Candidate of Historical Sciences, National Research University Higher School of Economics
(Russia, St. Petersburg)
E-mail: areznik@hse.ru

AUTOBIOGRAPHICAL WRITING OF L. D. TROTSKY DURING THE CIVIL WAR: POLITICS AND STYLISTICS

Leon Trotsky was not only an outstanding writer and speaker amongst Marxist politicians of his time, but he also could be named as one of the most well-known (auto)biographer. It was not only politics, that differed him from other high-ranking Bolsheviks, but it was a culture as well. Many of Trotsky's rivals accused Trotsky of being extreme individualistic, alien to collectivist ideology. However, if to consider Trotsky's biographical narratives in complex, the individualism was somewhat correct characteristic, as Trotsky indeed pointed the role of real persons, including of his own, in the history. Until recently, scholarly treatments of this issue have largely taken on Trotsky's autobiography titled "My life: An Attempt at an Autobiography" (1929), yet this celebrated book had a certain background. The aim of article is to re-examine Trotsky's literary and political activity in the

⁴³ Там же. С. 9.

⁴⁴ Там же. С. 68.

context of his (auto)biographical texts, taking the period of the Russian Civil War as a case-study. The balance of pragmatics and poetics in his texts was reflected by Trotsky himself during the early period of the Civil War, when he publicly emphasized that he did not like the “military style”, but “got used to using the style of a publicist in life and literature”. Trotsky’s subsequent activities demonstrated that the balance between the dynamics of these two styles was determined not only by politics, but also by the author’s deeply rooted ideas about the place of his own “self” in writing.

Keywords: *Trotsky L. D., autobiography, Revolution of 1917, Russian Civil War*

REFERENCES

- Dahlke S. *Individuum und Herrschaft im Stalinismus: Emelʹjan Jaroslavskij (1878–1943)*. Munich: R. Oldenbourg, 2010. (in German).
- Deutscher I. *The Prophet Outcast: Trotsky, 1929–1940*. London: Oxford University Press, 1963. (in English).
- Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* [History in the ego-documents: Researches and sources]. Ekaterinburg: AsPUr Publ., 2014. (in Russ.).
- Kolonitskii B. I. “*Tovarishch Kerenskii*”: *antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kulʹta “vozhdia naroda” (mart–iyunʹ 1917 goda)* [“Comrade Kerensky”: antimonarchical revolution and the formation of the “leader of the people” cult (March–June 1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (in Russ.).
- Lubitz P., Lubitz W. “*Mein Leben*” – “*Моя Жизнь*”. *Ein Essay über Trockijs Autobiographie und den jungen Trockij (1879–1904)*. Available at: http://www.trotskyana.net/Leon_Trotsky/Autobiography/autobiography_essay.pdf (accessed: 06.07.2020). (in German).
- Patenaude B. M. Trotsky and Trotskyism. *The Cambridge History of Communism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, pp. 189–211. (in English).
- Pokrovskiy M. N. [On one “experience of autobiography”]. *Bolshevik* [Bolshevik], 1930, no. 7–8, pp. 129–145. (in Russ.).
- Pomper P. *Lenin, Trotsky, and Stalin: The Intelligentsia and Power*. New York: Columbia University Press, 1991. (in English).
- Reznik A. V. [Lev Trotsky’s Political Hagiography and Sacralization of the Revolution: the Case of Georgy Ustinov]. *Politizatsiya yazyka religii i sakralizatsiya yazyka politiki vo vremya revolyutsii i grazhdanskoj voyny* [Politicization of the language of religion and sacralization of the language of politics during the Revolution and Civil War]. Saint Petersburg: Liki Rossii Publ., 2018, pp. 99–121. (in Russ.).
- Reznik A. V. Lev Trotskii as the mirror of the Russian Revolution. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2016, vol. 17, no. 1, pp. 181–191. DOI: 10.1353/kri.2016.0006 (in English).
- Rossiiia 1917 goda v ego-dokumentakh: Pisʹma* [Russia of 1917 in ego-documents: Letters]. Moscow: Nauchno-politicheskaia myslʹ Publ., 2019. (in Russ.).
- Saburova T. A., Eklof B. *Druzhba, semʹya, revoliutsiya: Nikolai Charushin i pokolenie narodnikov 1870-kh godov* [Friendship, Family, Revolution. Nikolai Charushin and the generation of Narodniks of the 1870s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. (in Russ.).
- Slezkin Yu. *Dom pravitelʹstva: Saga o russkoy revoliutsii* [The House of Government: A Saga of the Russian Revolution]. Moscow: AST: CORPUS Publ., 2019. (in Russ.).
- Thomä D., Shmid U., Kaufmann V., Jakobson R. *Vtorzhenie zhizni. Teoriya kak tainaiya avtobiografii* [The intrusion of Life: Theory as a Secret Autobiography]. Moscow: VShE Publ., 2017. (in Russ.).
- Yakobson R. [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: pro and contra]. Moscow: Progress Publ., 1975, pp. 193–230. (in Russ.).